

Главная тема

Мой главный зритель — домохозяйка

Русский курьер
— 2004 — 12 марта
— с. 20-21

Алина РЕБЕЛЬ

— Антон, помните, как впервые попали на телевидение?

— На Муз ТВ объявили кастинг ведущих — пришло несколько сотен человек, в том числе и мы с другом. Помню, на пробах очень много шутили. В итоге нас занесли в какой-то отдельный блатной список, обещали обязательно перезвонить. И, конечно, не позвонили. А потом в декабре 1997 года был набор на Биз-ТВ. Туда меня уже взяли. Потом были MTV, ТВС, сейчас вот «Россия».

— В чем прелесть работы в эфире я примерно представляю. А чем ТВ лично вас раздражает?

— Как и любая другая работа, телевидение накладывает дополнительные несвободы. Но если у обычного клерка, менеджера несвобода укладывается в рамки его нормированного рабочего дня, то телевидение — это, во-первых, ненормированный рабочий день, а во-вторых, узнаваемость. Жаловаться на это, наверное, не стоит, потому что я знал, на что иду. Но достаточно часто бывает, что я не хочу, чтобы меня узнавали, хочу посидеть в кафешке один. Однако далеко не всегда получается остаться незамеченным.

— И как вы прячетесь от навязчивых поклонников?

— Глубоко надвинутая на глаза кепка — максимум, что я могу сделать. Усы наклеивать бессмысленно. Можно, конечно, изменить форму носа, накачать губы, нарастить грудь, но стоит ли?

— Вы работали в прямом эфире. Наверняка не всегда все шло гладко. Нервничали?

— Если честно, нет. Я как-то пытался посчитать, сколько у меня было прямых эфиров — только телевизионных. Получилось порядка шестисот-семисот. Так что сейчас я уже чувствую себя вполне комфортно. Наоборот — это своеобразный драйв. Мне интереснее работать в прямом

эфире или в режиме прямого эфира. Когда по десять раз переписываются дубли, это уже ближе к кино. Мне нравится поймать волну и на этой волне плыть.

— В программе «Земля-Воздух» вам часто в прямом эфире приходилось разруливать конфликтные ситуации. Было тяжело?

— А вот тогда действительно нервничал. И все потому, что эксперты, которые в принципе должны были быть моими помощниками, играющими со мной в одной команде, переходили в другую команду и начинали играть против меня. Я это воспринимал как маленький обман. То есть мне и с ними приходилось бороться. Это действительно иногда раздражало.

— А с артистами какие отношения устанавливались?

— Разные. С кем-то мы были знакомы и до программы: со «Смысловыми галлюцинациями», к примеру, с «Премьер-министром». С кем не был знаком, устанавливали рабочие отношения. Мы почти никогда не общались после программы.

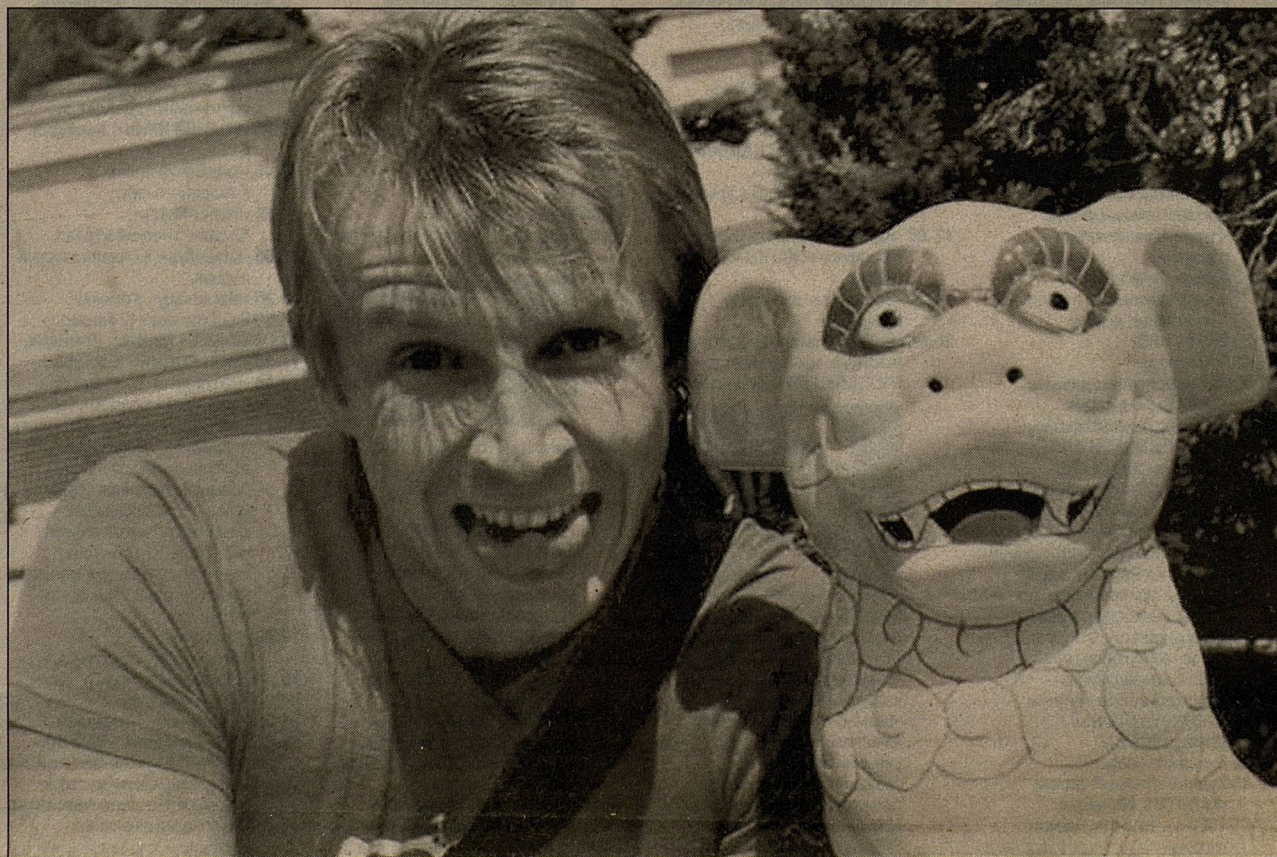
— Больше всего вашим поклонникам запомнилась программа с Викой Цыгановой, на которой был жуткий скандал.

— Хорошая была программа.

— Хорошая?

— Да, интересная очень получилась. Ведь я отвечал за дискуссию. А если получается яркая дискуссия, значит, удалась и программа. И потом неприятные ощущения возникают, когда есть категоричная точка зрения и она одна. У нас в программе было несколько точек зрения. При чем диаметрально противоположных: Викина и Михаила Козырева. И, кстати, не могу точно сказать, кто повел себя правильнее, корректнее. Там у всех настолько взвинчены были нервы...

— Программа была резкой еще и потому, что был затронут национальный вопрос.

— Именно к этой проблеме свели дискуссию Миша Козырев и Вика. Мне вообще кажется, что ура-патриотизм — вещь очень неправильная и делать на него ставку в творчестве просто некорректно. Есть просто патриотизм — понятие, которое в нашей стране испорчено и опошлено нашими псевдопатриотами. Есть настоящий патриотизм, который человек не выпячивает. А есть ура-патриотизм, который, может быть, идет и от сердца, но когда он проходит через не очень умную голову, это плохо. У Вики ее патриотизм доходит уже до национализма.

— А работа в «Народном артисте»? Почему согласились участвовать в этом проекте?

— Во-первых, в принципе интересно что-то новое. А во-

вторых, все же сидит в каждом из нас такой червячок — хочется быть причастным к рождению новой звезды. Мне было интересно и приятно над этим работать. Я не был разочарован.

— Ну и как, произошло рождение новой звезды?

— Это сложный вопрос. То, что нашлись ребята достойные, можно говорить с уверенностью. Но вот родятся ли из них звезды, пока сложно сказать. Думаю, через год станет ясно, кто из них выплывет, а кто нет. Теперь все зависит от продюсеров. Многие ребята, участвовавшие в конкурсе, действительно талантливы и, как мне кажется, могут занять вполне достойное место на эстраде.

— Эти ребята занимались попсовой музыкой. Как мне ка-

жется, вам ближе несколько иные музыкальные жанры.

— Вы имеете в виду рок? Мне действительно нравится рок, но не наш рок. К русскому року я отношусь более, чем холодно. Мне не нравятся стенания про терзания русской души, меня не цепляют проникновенные тексты — не знаю, почему. Практически все мои ровесники любят БГ, Шевчука, говорят, тексты за душу берут. Я никогда не вслушивался в тексты. Для меня на первом плане музыка, аранжировка, а уже потом их сочетание с текстом. Поэтому, на мой взгляд, наши рокеры серьезно проигрывают западным. С самого начала проекта «Народный артист» было понятно, что участники не собираются делать альтернативный рок западного формата.

Они уверенно шли в сторону эстрады.

— А вы поп-музыку слушаете?

— Не могу так сказать. У меня есть дома ностальгический диск группы «Секрет», к примеру. Когда я слышу по радио некоторых попсовых исполнителей, я не переключаю каналы. Мне нравится группа «Премьер-министр». Некоторые вещи «Динамит» хорошо делает, «Гости из будущего». В принципе сейчас попса поднимается очень серьезно. Есть хороший, качественно сделанный продукт. Но такого, чтобы мне что-то захотелось иметь в домашней фонотеке, пока нет.

— После Нового года многие телезрители были возмущены тем, что телеэфир просто оккупировала Алла Пугачева со-

12.03.2004

Кочетков Антон

варищи. Вам это по нраву?

— Да нормально это. Правда, я ничего не смотрел по долгу. Просто прыгал по каналам. Но поскольку у меня более профессиональный взгляд, мое мнение не очень объективно. Меня в новогоднюю ночь не впечатлил ни один канал. А Филиппа Бедросовича и компании в любое время слишком много.

— Что вам сейчас интересно смотреть по телевизору?

— «Симпсонов», сериал «Друзья», матчи NBA, КВН. Правда, я не всегда на КВН попадаю, да и не страшно — я теперь смотрю его живьем. Практически нет программ, которые я бы обводил в газете кружочком и спешил домой, чтобы их посмотреть.

— Кстати, из КВН многое вырезают?

— Большая часть, конечно, остается. Из-за хронометража что-то вырезается обязательно, впрочем, убирают в основном неудачные шутки. Но это полезный монтаж, благодаря которому просто убирается из эфира лишнее. Кстати, неудачные шутки необязательно пошлые. В КВН намного реже бывают пошлости, чем в других юмористических программах. Мне кажется, там более изысканный юмор.

— Быть членом жюри на КВН — очень ответственное дело?

— Я об этом стараюсь не думать, так же как стараюсь не думать о том, насколько ответственно быть в жюри «Народного артиста». Многие считают, что мы вершим судьбы молодых ребят. Наверное, вершим. Но если к этому так серьезно относиться, то можно прийти к какой-то жуткой рефлексии и вообще перестать соглашаться работать в каких бы то ни было жюри. Я просто стараюсь объективно оценивать. Если меня пригласили в жюри, значит, от меня хотят, чтобы я судил на свой вкус. Моя точка зрения, безусловно, субъективна. Но я стараюсь внутри своей субъективной точки зрения быть объективным. Если мы говорим о КВН, то я стараюсь судить по одной игре. Я не беру в расчет бэкграунд команды, меня не интересует, сколько лет она в Высшей лиге. Мне важно, как она сыграла на моих глазах.

— А Александр Масляков или кто-то из администрации игры никогда не пытались вам подсказать, какой команде надо присудить лучший балл, какой — худший?

— Нет, и это меня очень удивило. До того, как я попал в жюри, я не раз слышал, что все в КВН куплено-перекуп-

и раздает указания. На моей памяти такого не было. Иногда члены жюри спрашивают, как команды показали себя на генеральной репетиции. Александр Васильевич рассказывает, но никогда не говорит, кого надо вытягивать за уши, а кого топить. У Александра Васильевича всегда только одно жесткое требование ко всем членам жюри — больше улыбаться.

— Зачем это?

— Для создания веселой телевизионной картинки. Если команда на сцене шутит, а в жюри сидят скучные, мрачные люди, то телезрителям будет не совсем понятно, что происходит.

— А есть в КВН запрещенные шутки?

— Конечно, есть. Нельзя шутить слишком брутально. Ходят даже легенды, что на фестивале КВН в Сочи есть вечер «черного» юмора. О нем все знают, но мало кто там бывал. Многие команды придумывают шутки очень яркие, очень веселые, но слишком «черные». Вот они и оставляют их для закрытой тусовки на фестивале. И это правильно. — КВН смотрит слишком разншерстная публика, дети, люди с расшатанной психикой, поэтому не стоит слишком резкие шутки пускать в эфир. Хотя я очень люблю черный юмор.

— КВН — настоящий телевизионный долгожитель. В чем причина такого многолетия?

— В искренности. Ребята, которые играют в КВН, играют по-настоящему. Они не получают за это деньги. Но атмосфера, которая царит в Клубе, им просто необходима как воздух. Я сам играл в КВН на самом низком уровне, но даже так я эту клеветную атмосферу почувствовал и ей проникся.

— Что сейчас вам заменяет эту атмосферу?

— Общение с друзьями. Ведь КВН — это такая большая веселая компания друзей и хороших приятелей.

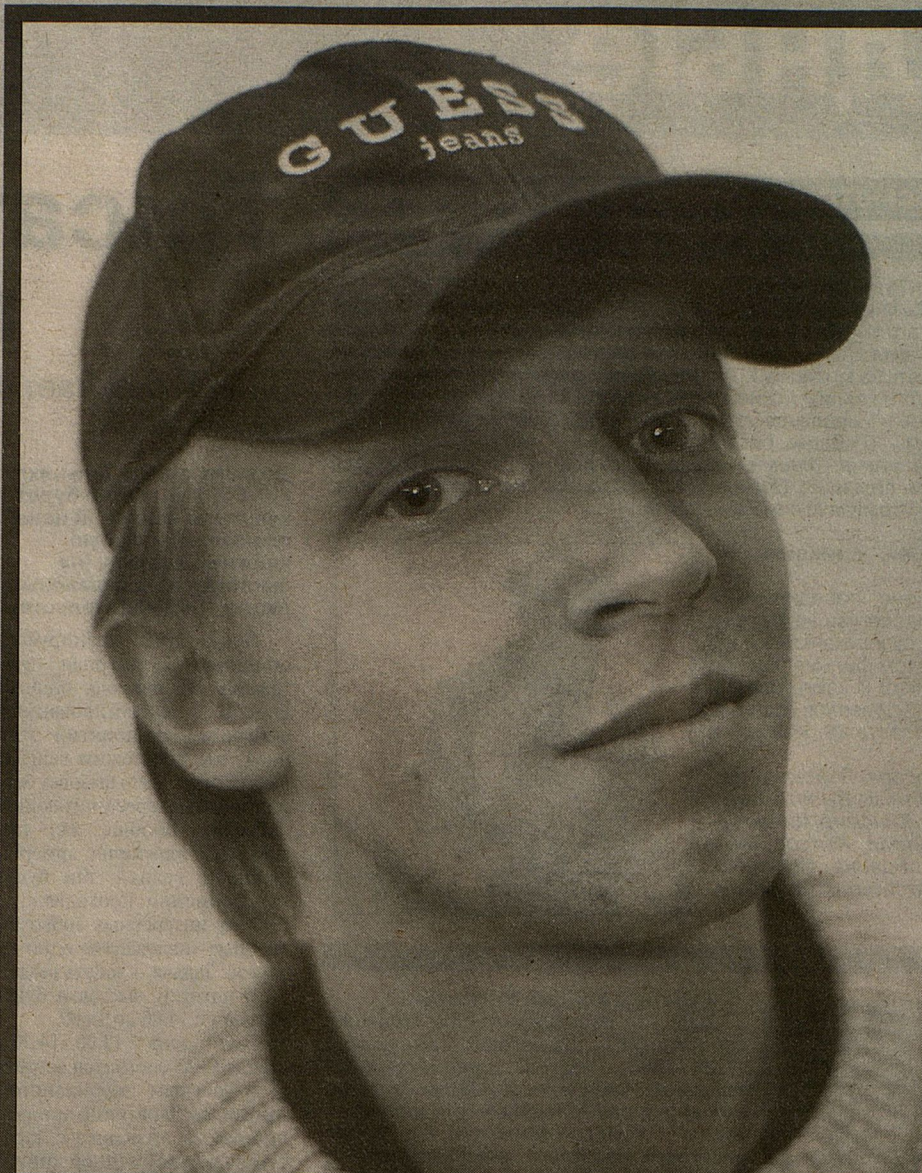
— Вы работаете на «Европе плюс», на телевидении. Как заставить аудиторию себя слушать?

— Быть искренним. Независимо от того, где ты работаешь. Ведь люди всегда чувствуют, где человек врёт, а где он разговаривает с ними от души.

— А как вы попали в «Короткое замыкание»?

— Пригласили. Сказали, что собираются менять ведущего, и я не стал отказываться.

— А какими критериями вы обычно руководствуетесь, когда принимаете предложения об участии в новом проекте?

Антон КОМОЛОВ (имя настоящее) родился 4 апреля 1976 года в Москве. Закончив физико-математический лицей, отправился учиться в Бауманский институт, однако полученная там специальность инженера его не привлекла. Сразу

после выпуска Антон начал работать корреспондентом Радио «Максимум», а позже мигрировал по разным радиостанциям и телеканалам. Не женат, живет со своей девушкой в отдаленном районе Москвы Орехово-Борисово.

ансов. Интересность проекта, канал, частота выхода в эфир, аудитория, продолжительность, деньги наконец.

— Что самое интересное в «Коротком замыкании»?

— Непосредственно то, что это ток-шоу — то есть жанр, где очень много говорящих. С одной стороны, это сложнее, потому что рассредоточивается внимание публики. С другой стороны, в этом большой плюс, потому что задействовано больше разных точек зрения, больше разных историй.

для вас эталон? Какие из них вы смотрите?

— Ток-шоу я вообще не смотрю. Я уезжаю из дома в шесть утра, а приезжаю после девяти. Поэтому просто не успеваю. Да и, честно вам скажу, я не поклонник ток-шоу. Весели их намного интереснее, чем смотреть. Что же до эталонов... Мне кажется, у нас очень мало ведущих, которые подходят на такую роль. Ток-шоу — формат, в котором ведущий на втором плане. Поэтому я могу скорее сказать, кто для меня является эталоном гостя — это должен быть

человек с хорошо подвешенным языком, с чувством юмора, обаятельный, не лишенный самоиронии. Ведущий же выступает либо в роли провокатора, либо просто подбрасывает дровишки в топку.

Из ток-шоу мне нравится, пожалуй, «Принцип домино», потому что это более честная программа, они не грешат подставными гостями, уходят от откровенной желтизны. «Короткое замыкание» занимается в принципе ту же нишу, что и «Принцип домино». Мы тоже берем какую-то интересную проблему и стараемся го-

ворить о ней серьезно, не гоняясь за жареными фактами.

— А скандалов не бывало после программы, например, когда человек был недоволен вашими вопросами?

— Как правило, перед программой редакторская группа выясняет точку зрения героя. Поэтому я готов к тому, что он может говорить. Правда, бывает такое, что люди, говорящие перед программой достаточно резкие вещи, выходят на площадку и становятся милыми, толерантными и неинтересными.

— Каким вы видите своего зрителя в этой программе?

— Это, конечно, домохозяйки, которые могут утром смотреть телевизор и которые вообще с удовольствием смотрят подобные программы.

— Вам удастся, несмотря на разные ситуации, и на площадке, и в жизни вести себя очень интеллигентно.

— Надо сказать спасибо моим родителям. Они так меня воспитали.

— А ваши программы они смотрят?

— Да, мама смотрит. Ей нравится. Иногда ругает. Правда, знает, что я все равно не исправлюсь.

— Кто еще ваши судьи?

— Мне важно мнение очень многих людей. Друзья, коллеги, просто незнакомые люди, у которых свой неожиданный взгляд. Моя девушка, которая меня хорошо знает и поэтому видит, в чем я ошибаюсь, а что делаю правильно.

— Сейчас в связи с терактами снова зашла речь о том, что должен и чего не должен говорить журналист.

— Когда я услышал о теракте в метро, я в первую очередь позвонил сестре, которая ездит по зеленой ветке. А журналист должен о таких вещах говорить честно, но без истерики. Не должно быть на телевидении ужасающих видеорядов. Я категорический противник «Дорожного патруля» и подобных программ. И без того у людей психика разболтана, и показывать им куски трупов, размазанные по тоннелю, — это почти такое же преступление, как и сам теракт.

— Вы себя считаете журналистом?

— Нет. Журналист — это пишущий человек, газетный, журнальный. Может быть, к журналистам отнес бы еще телевизионных аналитиков, корреспондентов, которые говорят о новостях, о политике. Я ни к тому, ни к другому отношения не имею, поэтому журналистом себя не считаю. Мне более близко развлекательное телевидение. Причем я уверен: развлекать можно красиво и интеллигентно, вот этим я и хотел бы заниматься.